

**EÖTVÖS LORÁND TUDOMÁNYEGYETEM
BÖLCSÉSZETTUDOMÁNYI KAR
IRODALOMTUDOMÁNYI DOKTORI ISKOLA**

**„AZ OROSZ IRODALOM ÉS KULTÚRA
KELET ÉS NYUGAT VONZÁSÁBAN”
DOKTORI PROGRAM**

A DOKTORI ISKOLA VEZETŐJE:
DR. KULCSÁR SZABÓ ERNŐ

EGYETEMI TANÁR, A MTA RENDES TAGJA

A DOKTORI PROGRAM VEZETŐJE:
DR. HETÉNYI ZSUZSA DSc.

EGYETEMI TANÁR

GOLUB XÉNIA

**«ПОЭТИКА КАМНЯ» –
«АРХИТЕКТУРНОСТЬ» И «АРХИТЕКТУРНЫЕ» ОБРАЗЫ
В ПОЭЗИИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА**

A DOKTORI ÉRTEKEZÉS TÉZISEI

TÉMAVEZETŐ: DR. HAN ANNA CSc.
HABILITÁLT EGYETEMI DOCENS

BUDAPEST, 2009.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В конце 1915 г. выходит второе издание книги стихов Осипа Мандельштама *Камень*. По этому поводу на страницах 5–6 номера журнала *Вестник знания* за этот же год анонимный рецензент пишет следующее о молодом поэте:

«...стих его – кристально звучен [...], старательно обточен, обделан в изящную оправу, напоминает фарфор и бронзу, украшение гостиных. Интеллектуальность в нем преобладает над эмоциональностью, живопись над мелодией. [...] Преобладающие мотивы Мандельштама – впечатления искусства (музыки, поэзии, архитектуры и т. д.). [...] Мандельштам созерцает душу природы под формой искусства...».¹

Как это явствует из современных Мандельштаму литературно-критических источников, в том числе и из приведенной выше рецензии, мы можем говорить не только об отдельных видах искусства но и об искусстве в целом по отношению к поэзии Мандельштама в двух смыслах: на уровне «формы» (стихи Мандельштама мастерски обработаны, они представляют собой высшую степень «искусственности») и на уровне смыслового содержания. В этих критических статьях также отмечается, что архитектура, музыка и литература разных эпох оказываются главными «героями» его поэтического мира. Современная поэту критика отмечает преимущественно увлечение Мандельштама-акмеиста архитектурой, однако в разных формулировках отмечает и его восприимчивость к явлениям окружающей предметной и художественной среды и склонность к их запечатлению. Именно в силу этой творческой интенциональности рецензенты называют Мандельштама-поэта «живописцем», а его творческую деятельность «живописью», или же характеризуют его стихи пользуясь метафорическими определениями таких живописных жанров, как «портрет», «пейзаж» или «натюрморт».

¹ МАНДЕЛЬШТАМ О. *Камень*. Литературные памятники. Сост., статьи, комментарии: Л. Я. Гинзбург, А. Г. Мец, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдин. Ленинград: «Наука», 1990. 233–234.

Среди первых литературно-критических отзывов на поэзию Мандельштама, в которых отмечается связь его поэзии с разными видами искусства, необходимо выделить работу В. М. Жирмунского *Преодолевшие символизм*, ставшую для истории литературоведения основополагающей, и прокладывающую новый путь в интерпретации поэзии эпохи постсимволизма. В этой статье Жирмунский истинным предметом поэзии Мандельштама называет «чужое художественное восприятие жизни».²

Именно это, выделенное уже Жирмунским свойство мандельштамовского творчества – сформулированное современной поэту критикой словами «созерцание души природы под формую искусства» –, служит основным исходным положением и для настоящей работы. Данная отличительная черта поэтического мира Мандельштама на раннем этапе его творчества, как нам кажется, и служит подготовительным этапом к становлению акмеистической поэтической программы, провозгласившей своим идеалом «архитектоническое» искусство и главным поэтическим и эстетическим принципом «архитектурность».

Итак, предметом исследования в настоящей работе является процесс формирования ориентации Мандельштама на архитектуру, и характеристика различных поэтических аспектов мандельштамовского истолкования «архитектурности» как формообразующего принципа. Именно этот принцип воплощается и в прослеживаемых нами «архитектурных» образах (в том числе и образах разных других видов внесловесного искусства) в поэзии Мандельштама. Первичным материалом для изучения данной темы, таким образом, для нас служит прежде всего поэзия Мандельштама, а его художественная и критическая проза рассматривается лишь в качестве «вспомогательного материала», более широкого «контекста» рассмотрения.

Хронологические рамки работы определяются предметом исследования: поэтический идеал архитектурного искусства, и основанная на нем «поэтика

2 Жирмунский В. Преодолевшие символизм. Жирмунский В. *Теория литературы. Поэтика. Стилистика*. Ленинград: «Наука», 1977. 123.

камня», естественным образом, в наибольшей мере представлены в книге *Камень*, однако, различные проявления «архитектурного начала» в той или иной форме, пронизывают все поэтическое творчество Мандельштама. Этим и объясняется, что в рассматриваемом нами корпусе текстов будут преобладать стихи периода *Камень* (1908–1915 гг.), а также некоторые стихи, вошедшие в последствии в книгу *Tristia*, однако хронологически и типологически близкие к стихам первой книги. (Употребляемое нами термин «поэтика камня» мы ввели как раз для обозначения поэтики, определяющей первый сборник Мандельштама, а в том числе и некоторые стихи 1916 г., вошедшие в следующий сборник поэта.) Поэзии 1916–1937 гг. посвящена лишь последний раздел нашей работы, в котором намечаются перспективы дальнейшего изучения темы.

ПОНЯТИЕ «АРХИТЕКТУРНОСТИ» И ТЕРМИН «ПОЭТИКА КАМНЯ»

В работе постоянно употребляется нами термин «архитектурность», и соотносящееся с ним определение «архитектурный» (например, «архитектурный образ»). Термин «архитектурный» может быть осмыслен в нескольких значениях. Во-первых, в самом конкретном смысле, исходя из словарного значения слова «архитектура», под «архитектурным образом» следует понимать такой образ, который «относится в узком смысле к архитектуре как особому виду искусства». Во-вторых, в более широком смысле этого термина, к этому кругу значения принадлежат все явления «архитектонического характера», обладающие определенной «мандельштамовской семантикой», реконструируемой из различных поэтических высказываний поэта. Понятие «архитектура» постоянно употребляется Мандельштамом и в переносном, расширенном смысле, и понимается им, например, в лично-экзистенциальном плане («архитектура личности») и в плане культурного и социального измерения («социальная архитектура»). «Архитектурность», таким образом, для

Мандельштама является не только эстетической, но и социальной и этической категорией.

При употреблении термина «поэтика камня» мы исходили из того значения этого термина, которое ему приписывается в статье М. Н. Дарвина, посвященной первой книге стихов Мандельштама *Камень*, и представленной в ней «поэтике заглавия».³

В дальнейшем мы постараемся систематизировать те важнейшие смысловые единицы, которые составляют семантику употребляемых нами понятий «архитектурности» и «поэтики камня» на основе мандельштамовских текстов, преимущественно из акмеистического периода его творчества.

«[...] мы вводим готику в отношения слов, подобно тому, как Себастьян Бах утвердил его в музыке. Какой безумец согласится строить, если он не верит в реальность материала, сопротивление которого он должен победить.[...] Камень как бы возжаждал иного бытия. Он сам обнаружил скрытую в нем потенциально способность динамики, — как бы попросился в «крестовый свод» участвовать в радостном взаимодействии себе подобных. [...] Строить можно только во имя «трех измерений», так как они есть условия всякого зодчества. [...] Строить — значит бороться с пустотой, гипнотизировать пространство».⁴

В этих знаменитых, написанных в 1912 году строках программной статьи Осипа Мандельштама *Утро акмеизма*, находим многие моменты, сыгравшие важную роль в дальнейшем развитии художественного мышления акмеистов, в частности и самого Мандельштама: архитектурность творческого труда, веру в реальность материала, культ трех измерений. Под строительской деятельностью подразумевается также и борьба против неорганизованности, хаоса, пустоты; задачей поэзии является, с одной стороны, создание

3 Дарвин М. Н. «Камень» Осипа Мандельштама: поэтика заглавия. *Творчество Мандельштама и вопросы исторической поэтики*. Кемерово, 1990. 57–65.

4 МАНДЕЛЬШТАМ О. Э. *Собрание сочинений в четырех томах*. Под ред. проф. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Москва: «Терра», 1991. Т. II. 321.

динамических структур, значит, создание архитектурно организованных пространств, а также и культурное освоение, заполнение этих пространств. Превращение пустого пространства в домашний уют означает безоговорочное принятие сенсуально воспринимаемой реальности, во всех ее измерениях. Эта установка поэтического сознания влечет за собой сознательное отмежевание от романтического жизнеощущения символистов, от их тоски по потустороннему миру, направленности к трансценденции.

Как это явствует из приведенной цитаты, архитектуру, поэзию и музыку Баха роднит «готика», которая для Мандельштама обозначает не что иное, как создание космоса по архитектурным принципам. Архитектура – это организация и организм, живой организм, игра противодействующих сил. Величие «физиологически-гениального» средневековья для поэтического сознания Мандельштама таится в том, что оно ощущало весь мир как «живое равновесие», проявляющееся как «благородная смесь рассудочности и мистики».⁵ Величественные готические соборы являются одновременно и структурным воплощением средневековой духовности, сущность которой – органическое сочетание иррационального начала и схоластической логики, то есть рациональность в иррациональном. Тоска по такой «благородной смеси» должна быть императивом и для настоящего; человечество может преодолеть окружающий его хаос только путем возвращения к архитектурным принципам.

Итак, в мандельштамовское понимание «архитектурности» в самом широком смысле этого термина, входят такие понятия и семантические единицы, как «структурированность пространства», «материальная воплощенность», «иерархическое построение», «подвижное равновесие масс», «ощущение мира как живого равновесия», «заговор против пустоты и небытия» («отстаивание бытия против небытия»), «быть деятельным для общего блага», «благородная смесь рассудочности и мистики» («рационализация иррационального»), «европеизм»,

⁵ Мандельштам, О. Э. Собрание сочинений в четырех томах. Под ред. проф. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. М., 1991. Т. II. 325.

«домашний уют» и т. д.

Настоящая работа имеет своей целью как раз выявление наличия и поля действия данных понятий в определенных образах мандельштамовской поэзии, соприкасающихся с темой разных видов искусства. Как нам кажется, расширение рамок нашего исследовательского горизонта становится возможным благодаря тому, что заключающееся также и в понятии архитектурности стремление найти утешительное убежище от хаоса, спасения от «бесструктурности» бытия можно воспринимать как общий признак всего мандельштамовского творчества в целом.

Метод исследования

В критической литературе, посвященной поэзии Мандельштама, неоднократно отмечался единый, строго структурированный, «архитектонический» характер мандельштамовского творчества. В связи с этим сложилось общепринятое мнение в научной общественности филологов, что его творчество образует «единый текст», единое смысловое пространство. За разными формулировками скрывается одна и та же закономерность: благодаря взаимодействию семантических компонентов, проявляющемуся на разных уровнях, выстраивается динамическая смысловая структура единого целостного текста. Такая когерентность поэтического творчества позволяет проследить повторяющиеся в стихотворениях, написанных на разных этапах творческого пути, сквозные мотивы. Эта же единая динамическая структура составляет основу для рассмотрения отдельных стихотворений в более широком контексте, в том числе и на фоне критической и художественной прозы поэта.

Таким образом, настоящая диссертация с точки зрения своей методологической ориентации принадлежит к числу тех исследований, в которых исследовательское внимание сосредоточивается на выявлении внутренних связей в корпусе мандельштамовского творчества, и опираются на мысль об изложенной выше «самоинтерпретации»

поэтического творчества Мандельштама. Акцент, следовательно, ставится на внутритекстовые и контекстуальные связи, а не на интертекстуальное изучение темы, на анализ подтекстов. Вопросы об источниках определенных идей и мотивов и аллюзиях мы касаемся лишь в целях более точного выявления сущности, и поля действия принципа «архитектурности». Таким образом метод нашего исследования мы можем охарактеризовать как традиционный литературоведческий анализ тем, мотивов и структуры текста, анализ композиционной и мотивной структуры стихотворений Мандельштама. Главная особенность выбранного нами метода заключается в поэтапном переходе от текстов к характеристике идейных представлений поэта, к реконструкции внутренней системности рассматриваемых образов, и при этом мы стремимся к наибольшей объективности в осмыслении определенных поэтических образов и идей Мандельштама, и к максимальному ограничению исследовательского произвола в интерпретации мандельштамовских текстов. Примером в этом отношении для нас послужили работы В. В. Мусатова, Л. Г. Пановой, если мы ограничиваемся упоминанием только трудов монографического характера в ряду новейших исследований в мандельштамоведении.

С точки зрения нашего исследовательского подхода особенно важным оказалось применение хронологического принципа при рассмотрении процесса развития и преобразования «архитектурных» образов Мандельштама, потому что именно благодаря этому принципу выявляются определённые семантические сдвиги, перемещения акцентов в интерпретации того же образа, напластование новых смысловых уровней на прежние семантические построения данных мотивов, их обрастание новым семантическим ореолом, и вырисовывается своеобразная эволюция от первого появления данного мотива к его более поздним вариациям в творчестве Мандельштама. В сложной «ткани» мандельштамовской поэзии мы постарались выделить только определенные, связанные между собой образы, способные встраиваться в контекст «архитектурности» (в который, как мы

уже неоднократно указывали на это, входит также и тема разных видов искусства и художественного творчества, соотносящаяся с метатекстуальной проблематикой). В кругу этих образов мы стремились сосредоточить внимание на «ключевых» сквозных образах (например образ камня, леса, корабля и т. п.).

Как раз указанными выше особенностями мандельштамовского художественного мира объясняется бесконечная расширяемость едва ли не любой выбранной темы в мандельштамоведении, в том числе и объекта изучения настоящей диссертации. Основное направление возможного расширения и углубления поставленной темы определяется семантическим объемом прослеживаемых нами сквозных мотивов в поздних стихах Мандельштама, анализируемых в последнем разделе нашей работы. Систематическое сопоставление образов разных видов искусства в поздних стихах Мандельштама с соответствующими образами его стихов доакмеистического и акмеистического периода может оказаться весьма продуктивным, поскольку этот исследовательский метод позволит увидеть «константы» художественного мира поэта.

КОНТЕКСТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ

Предмет исследования данной диссертации, естественно, должен рассматриваться в контексте русской литературы и культуры начала XX века. В этом отношении, как мы уже указали на это, первичное значение с точки зрения изучения выбранной темы имеет смена культурных парадигм (символизм – постсимволизм – акмеизм). Проводя типологическую классификацию рассматриваемых поэтических образов в ранней лирике Мандельштама, мы употребляем термин «доакмеистический» («стихи», «период» и т. д.) вместо фигурирующего в некоторых работах термина «символистский». Такой терминологический выбор мотивировался как раз исходным для нас положением, согласно которому даже в этих ранних стихотворениях поэта уже

улавливаются некоторые приметы отхода от символистского канона и становления новых поэтических принципов. Однако, следует отметить, что при этом для мандельштамовского творчества – по сравнению с другими авторами «акмеистической» поэтической ориентации – характерна более глубокая «привязанность» к идейному наследству символизма, и интеграция в собственную культурно-философскую и эстетическую систему определенных моментов символистской эстетики, например, идей Вячеслава Иванова.

При осмыслении принципа «архитектурности» в поэзии Мандельштама возникает вопрос о взаимоотношении разных видов искусства в эстетике и культуре начала XX века. Установка на визуальные, и в том числе и на пространственные, «тектонические» искусства является одной из самых существенных особенностей формирующихся поэтических стремлений в русской литературе начала XX века, в том числе и в опосредованном лиризме поэтов-акмеистов, и в частности и в поэтической системе Мандельштама. Для поэзии Мандельштама доакмеистического периода характерна обращение к «малым жанрам» живописи, сюжет которых не имеет повествовательный характер: к натюрморту, интерьеру, портрету, ведуте. Это объясняется, с одной стороны, бунтом против иерархии жанров, установленной академическим (и символистским) эстетическим каноном, с другой же стороны, новой волной художественного сенсуализма. В поэзии Мандельштама, в процессе становления ориентации на образы разных видов искусства обнаруживается своеобразная «эволюция» от «текстильных», плоскостных искусств ко пространственным, «тектоническим». Ориентация на архитектуру может объясняться выдвигающимися – по всей видимости закономерными в данную эпоху – эстетическими требованиями пространственности, функциональности, прочности, универсальности, «коллективности» и «человекоцентризма» искусства.

При рассмотрении образов разных видов искусства в поэзии Мандельштама и характеристике «поэтики камня» обязательно должен затрагиваться вопрос о специфичности мандельштамовской ориентации на архитектуру в контексте

поэтики акмеизма, в котором особое место поэтического мира Мандельштама определяется ее обращенностью не только к готической архитектуре, но и провозглашением принципа архитектурности в самом широком его смысловом объеме.

СТРУКТУРА ДИССЕРТАЦИИ

В *ВВЕДЕНИИ* к настоящей диссертации, озаглавленной «*ПОЭТИКА КАМНЯ*» – «*АРХИТЕКТУРНОСТЬ*» И «*АРХИТЕКТУРНЫЕ*» ОБРАЗЫ В ПОЭЗИИ *ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА*, формулируются основные предпосылки работы, дается характеристика предмета исследования, определяются основные задачи, материал и метод исследования, и дается обзор специальной литературы. В особых параграфах определяются употребляемые в работе термины «архитектурность», «архитектурный» и «поэтика камня», и намечаются контексты изучения темы.

Охарактеризованная в первой главе автореферата система поэтического мышления, ориентированная на архитектуру и выдвигающая в качестве центральной категории «архитектурность», постепенно выкристаллизовывалась в начале 1910-х годов и в зрелом виде проявилась в поэзии Мандельштама приблизительно к 1912 году. В предшествующие творческие годы молодой поэт прошел мучительный период творческих исканий, пока не нашел адекватный своим поискам язык в идеале архитектонического искусства. Экзистенциальные и творческие искания пределов собственной личности закономерно привели поэта к художественному языку европейской культуры, с помощью которого он смог творчески осмыслить самого себя, найти свой язык. Тогда как в самых ранних стихах (1908–1912) лирическое «я» поэта стремится к такому пути творческого и культурно-экзистенциального самоопределения, для которого соотносительной величиной является охватывающее его «я» целостное мироздание, и прежде всего природный космос, и при этом старается сохранить и свое равновесие на грани изречения слова и молчания; то в более поздних

«архитектурных» стихах оправдание смысла словесного творчества опирается на более прочную крепость синтетического художественного языка.

В первой главе нашей диссертации **ФОРМИРОВАНИЕ АКМЕИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ НА АРХИТЕКТУРУ В ПОЭЗИИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА** мы постарались выявить основные этапы процесса становления поэтической системы Мандельштама-акмеиста на материале анализа стихов 1908–1912 гг. посредством начертания основной системы образов разных видов искусства в его поэзии.

Смена культурных парадигм символизм – постсимволизм (акмеизм) накладывает структурный отпечаток на поэтические образы ранних стихов Мандельштама, где основная тема художественного творчества артикулируется посредством языка разных видов искусства. Трансформация художественных образов, воплощающих разные виды внесловесного искусства, ведет в творческих поисках своей идентичности поэта от личного к надличному, от неартикулированного к сознательно компонированному, от эфемерного к прочному. Пройдя этот путь поисков аутентичного языка и самоидентичности в период сборника *Камень*, поэт постепенно обращается от первичной, сотворенной Богом природы, к «вторичной», «рукотворной природе», то есть к культуре в разных ее исторических модификациях. Рассмотрению образов различных видов искусства и проблемы восприятия искусства в стихотворениях периода книги *Камень* в диссертации посвящен первый раздел первой главы **РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ ИСКУССТВА В РАННЕЙ ЛИРИКЕ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА**.

Несмотря на то, что тема архитектуры как вида искусства, и архитектурности как принципа художественного построения встречается в эксплицитной форме только со времен написания манифестационной статьи *Утро акмеизма*, некоторые приметы скрытого присутствия этой темы обнаруживаются уже в стихах, созданных около 1911 года. Такими «архитектурными» образами доакмеистических стихов, предвосхищающими образы архитектурных памятников в акмеистических стихах, в нашем истолковании, оказываются мотивы раковины, камня и башни, рассматриваемые во втором разделе первой главы **От**

КАМНЯ К ГОТИЧЕСКОМУ СОБОРУ – «АРХИТЕКТУРНЫЕ» ОБРАЗЫ В ДОАКМЕИСТИЧЕСКОМ ПЕРИОДЕ ТВОРЧЕСТВА ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА.

Первыми действительными воплощениями нового поэтического идеала акмеизма, «поэтики камня» можно считать те стихи сборника *Камень*, где описывается внутренняя и внешняя структура конкретных, единичных памятников архитектуры, большей частью сакрального назначения (парижского Notre Dame, константинопольской Айя-Софии, петербургского Казанского собора, римского San Pietro, реймского и кельнского соборов, или же Адмиралтейства). Они являются шедеврами культурного строительства, в их структуре в мандельштамовском понимании опредмечен дух данной эпохи. Подчеркивается сознательность воздвигшего их строительского труда, трехмерность и динамизм их конструкции. Архитектура и принцип архитектурности с данного этапа его творчества являются образцами для преодоления инерции для Мандельштама, не только в самом узком, «архитектурном» значении слова, но и в более широком, эстетическом, поэтическом и экзистенциальном смысле. Тем самым архитектура становится ведущим видом искусства в творчестве Мандельштама в период 1912–1913 гг., (сохраняющим, однако, тесные связи, например, с музыкой). Освещению различных поэтических аспектов данной проблематики посвящена вторая глава диссертации *АРХИТЕКТУРА, АРХИТЕКТУРНОСТЬ, АРХИТЕКТОНИКА – «АРХИТЕКТУРНЫЕ» ОБРАЗЫ В КНИГЕ КАМЕНЬ*, с вводным разделом *ГОТИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА И «АРХИТЕКТУРНОСТЬ» КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИНЦИП*.

Несмотря на сознательное отмежевание акмеистской поэтики от символистской, определенные компоненты «поэтики камня», акцентирующей примат архитектурного начала в поэзии, свидетельствуют о воздействии идей одного из корифеев культуры русского символизма, Вячеслава Иванова. В разделе *К ВОПРОСУ О СИМВОЛИСТИЧЕСКИХ КОРНЯХ АКМЕИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ НА АРХИТЕКТУРУ: МАНДЕЛЬШТАМ И ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ* мы выделили некоторые элементы эстетической теории Вячеслава Иванова, которые могли способствовать в обращенности Мандельштама к готической архитектуре.

Мандельштамовское понимание готической архитектуры и ее основных характерных черт определялись и господствующими в европейском искусствознании XIX века теориями о динамической конструкции и органоморфности готических построек, рассмотренных нами в разделе *ПОЭТИЧЕСКОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ «ГОТИКИ» У МАНДЕЛЬШТАМА И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ГОТИЧЕСКОГО СТИЛЯ (ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ)*. Вопрос о том, что осознание органических свойств архитектурных сооружений каким образом вписывается в характерную для мандельштамовского поэтического мышления тенденцию нейтрализации оппозиции «природа – культура», затрагивается нами в разделе *«ДРЕМУЧИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ЛЕС» – ИДЕЯ «АРХИТЕКТУРНОСТИ» КАК ПРИМЕР НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ОППОЗИЦИИ «ПРИРОДА – КУЛЬТУРА»*. К ее проявлениям можно причислить, например, сквозной в мандельштамовском творчестве образ купола. Расширение понятия «архитектурности» или «архитектоники», выходящего за пределы эстетики улавливается в внепоэтических высказываниях Мандельштама, затрагивающих проблемы «социальной архитектуры» или же историософские вопросы, связанные с судьбой общеевропейских и общехристианских ценностей при новых исторических условиях. В пятом разделе второй главы диссертации *«Акмэ» – ПРОЯВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА «АРХИТЕКТУРНОСТИ» В СОБСТВЕННО-АКМЕИСТИЧЕСКИХ СТИХАХ МАНДЕЛЬШТАМА ОБ АРХИТЕКТУРЕ*, учитывая исследовательский опыт, накопленный уже при анализе рассматриваемых нами стихотворений в мандельштамоведении, мы постарались высказать некоторые общие соображения об интерпретации архитектурных образов «собственно-акмеистических» стихов, и примыкающих к ним культурно-философских взглядов Мандельштама.

В шестом, последнем разделе второй главы диссертации *«ГАРМОНИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТОНИКА»* рассматривается «акмеистическое» истолкование музыки в творчестве Мандельштама. В художественном понимании Мандельштама-акмеиста разные виды искусства: архитектура, музыка и поэзия представляют собой взаимопроницаемые сферы культуры, и как мы уже указали на это на основе приведенной из статьи *Утра акмеизма* цитаты, архитектуру, поэзию и музыку Баха

роднит «готика». Ко времени написания программной статьи Мандельштама понятийный объем этой стилевой категории настолько расширяется, что становится для поэта синонимом любой художественной структуры, построенной по архитектурным принципам. Различные виды образных воплощений музыки в ранних, доакмеистических стихотворениях Мандельштама носили резко подчеркнутый амбивалентный характер; музыка в равной степени могла принадлежать и к сфере космоса, и к сфере хаоса. По мере того, как творческая позиция Мандельштама постепенно определяется, и в смысловом освещении музыкальной темы происходят определённые сдвиги, она все больше заполняется признаками сферы космоса.

В третьей, последней главе нашей диссертации *Отголоски «Поэтики камня» – «Архитектурные» образы после периода книги Камень* мы попытались указать на важнейшие аспекты продолжения, завершения и «преодоления» архитектурной темы у Мандельштама. Формообразующий принцип архитектурности в пределах новой поэтики, которая идет на смену «поэтике камня» в творчестве Мандельштама 1916–1937 гг., в основной своей тенденции, уступает место разрозненным и примыкающим лишь косвенным образом к теме архитектурности образам, включающим в себе, согласно нашему предположению, также и образы разных видов внесловесного искусства.

При рассмотрении смысловой структуры стихотворений 1914–1916 гг., написанных «на рубеже» первых двух книг стихов Мандельштама *Камень* и *Tristia*, намечается преемственность некоторых мотивов, поэтических тем между двумя сборниками. На постепенность перехода в поэзии Мандельштама от поэтики *Каменя* к новой поэтике книги *Tristia* указывается нами в разделе *«Поэтика камня» в стихотворениях 1914–1916 гг.*, в котором мы и в дальнейшем сосредоточивали исследовательское внимание на архитектурных образах, в том числе и на образах разных видов искусства в поэзии Мандельштама в первых стихах книги *Tristia*.

Сочетание музыки и архитектуры в лирике Мандельштама в самом богатом своем смысловом объеме осуществляется в

«московском» стихотворении *В разноголосице девического хора...*, написанном в 1916 году, то есть уже за пределами сборника *Камень*, в период книги *Tristia*. Основным «замыслом» анализируемого нами в одноименном разделе стихотворения послужило, однако, характерное для «поэтики камня» акмеистическое восхищение особой разноголосицей, прозвучавшей в живом диалоге разных исторических стилей архитектуры, воплощенных в Успенском соборе московского Кремля.

В определенных образах стихотворений, вдохновленных первыми московскими впечатлениями Мандельштама, а также и его дружбой с Мариной Цветаевой, однако, наблюдается уже и тенденция к описанию данных явлений «безархитектурного характера» с помощью архитектурных образов. В разделе *АРХИТЕКТУРНОСТЬ И БЕЗАРХИТЕКТУРНОСТЬ МОСКВЫ – «АРХИТЕКТУРНЫЕ» ОБРАЗЫ МОСКОВСКИХ СТИХОВ 1916 Г. И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В БОЛЕЕ ПОЗДНИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ МАНДЕЛЬШТАМА* мы постарались проследить процесс переосмысления определенных «архитектурных» образов московских стихов Мандельштама.

В культурно-исторической и экзистенциальной ситуации, представшей в жизни Мандельштама после 1916 г. естественным образом наступает период разложения «поэтики камня». Однако наблюдается закономерность, согласно которой образы, имевшие когда-то явно архитектурные коннотации, и оказавшиеся сквозными в мандельштамовском творчестве, в рамках новой поэтики *Tristia* и последующих сборников поэта, представляют собой лишь своеобразные «осколки», разрозненные проявления архитектурного начала в его поэзии, и тем самым, при всей «безархитектурности» окружающего мира они все же носят в себе залог творческого начала. В завершающем разделе нашей диссертации *ТРАНСФОРМАЦИЯ «АРХИТЕКТУРНЫХ» ОБРАЗОВ ПЕРИОДА КАМНЯ В СТИХОТВОРЕНИЯХ МАНДЕЛЬШТАМА 1916–1937 ГГ. – ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ*, мы старались наметить контуры дальнейших исследований, и поэтому выделили некоторые, более поздние проявления темы и принципа «архитектурности» (в самом широком смысле этого термина, подразумевающим всякую конструктивную деятельность «аполлонического» характера, направленную на

создание культурных ценностей) в творчестве Мандельштама после 1916 года. Наряду с рассмотрением данных мотивов в отдельных сборниках стихов Мандельштама *TRISTIA* (1916–1920 гг.), *Стихи 1921–1925*, *Новые стихи* (1930–1934 гг.) и *Воронежские тетради* (1935–1937 гг.), мы посвятили особый подраздел «ГЕОЛОГИЧЕСКОМУ» ИСТОЛКОВАНИЮ КАМНЯ В ПОЭЗИИ МАНДЕЛЬШТАМА 1920-х, 1930-х гг.

В **ЗАКЛЮЧЕНИИ** проводятся основные итоги, полученные в ходе исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Образы творчества и сферы искусства в ранней лирике Осипа Мандельштама. *Studia Russica* XVII. Budapest, 1999. 359–366.
2. Сочетание мотивов искусства и природы в ранних стихотворениях Осипа Мандельштама. *Slavica* XXX. Debrecen, 2000. 115–132.
3. Стихотворение Пастернака «Зима» (1913 г.) в контексте «поэзии пяти чувств» Мандельштама. *Studia Russica* XIX. Budapest, 2001. 417–438.
4. „A kultúra terének otthonossága” – Oszip Mandelstam *B разноголосице девического хора... című versének értelmezési kísérlete. Első század. A Tudományos Ösztöndíj-pályázat kiemelkedő dolgozatainak szemléje. Orosz irodalom és kultúra.* Szerk.: Kroó Katalin. Budapest, ELTE BTK HÖK, 2002. 215–242.
5. «Мандельштам – поэт-живописец». Об одной типологической группе ранних стихов Осипа Мандельштама. *Studia Slavica Hung.* 47/3–4. Budapest, 2002. 391–404.
6. От камня к готическому собору. Предвестники «архитектурных» образов в раннем творчестве Осипа Мандельштама. *Slavica* XXXII. Debrecen, 2003. 217–229.
7. «Европейцы по культуре»: В. Серов и О. Мандельштам. К анализу стихотворения «С розовой пеной усталости у мягких губ...». *Studia Russica* XXI. Budapest, 2004. 255–268.